

Литература

1. *Богоявленский, Д.Н.* Психология усвоения орфографии / Д.Н. Богоявленский. – М., 1966.
2. *Жинкин, Н.И.* Развитие письменной речи учащихся 3 – 7 классов / Н.И. Жинкин // Язык. Речь. Творчество. – М., 1998.

3. *Леонтьев, А.Н.* Психологические вопросы сознательности учения / А.Н. Леонтьев. – М., 1947.

4. *Шахнарович, А.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики / А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева. – М., 1990.

УДК 81

Е.Ю. Протасова

ПИСЬМЕННЫЕ ТЕКСТЫ БИЛИНГВОВ

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.

Понятие «херитажник» активно разрабатывается в последнее время в русистике. Однако полезно различать билингвов и херитажников. Билингвы более или менее непрерывно изучали оба языка, и эти языки поступали к ним регулярно, в том числе благодаря институциональному обучению, в то время как херитажники не посещали организованных занятий. Настоящая статья рассматривает примеры письменных текстов подобных носителей русского языка в Финляндии.

Финско-русское двуязычие, наивное письмо, билингв, херитажник, анализ ошибок.

The notion of *heritage speakers of Russian* is making its big entrance into the Russian language studies. However, it is useful to distinguish between bilinguals and heritage language speakers. Bilinguals have studied the two languages more or less continuously and have also had regular institutionalized input, while heritage language speakers have missed organized studies. This article considers examples of written texts of such native speakers of Russian in Finland.

Finnish-Russian bilingualism, naïve writing, bilingual, heritage language, error analysis.

Различные исследования русскоязычной диаспоры обращают внимание на то, что владение языком у представителей русскоязычного населения неоднородно. Выделяются представители первой и второй волны эмиграции и их потомки, большинство которых растворилось среди местного населения, а те, кто продолжает говорить по-русски, нередко демонстрируют образцы развития русского языка в отрыве от современной языковой среды. Многие представители последующих волн все еще живы, они являются активными носителями и пользователями языка, отчасти продолжающими привезенные с собой традиции языкового употребления (например, те, кто выехал из СССР), а отчасти опирающимися на трансформирующееся языковое употребление в России и других государствах, где говорят по-русски (например, Казахстан, страны Балтии). Современные средства связи позволяют поддерживать активные контакты как с метрополией, так и с транснациональной диаспорой, общающейся на своем языке, следить за употреблением русского языка в СМИ, находиться в курсе событий и реагировать на новости и новшества. Потребность в поддержании определенного уровня осведомленности о состоянии дел в России и следующая за этим возможная ротация лексики у представителей первого поколения иммигрантов связана зачастую с недостаточным овладением языком окружения, потребностью в самосохранении, поисками собственной идентичности, с болезненным пе-

реживанием разрыва привычных отношений и т.п. [1], [3].

Не так обстоит дело с представителями второго поколения иммигрантов, относительно которых широко распространено мнение о невозможности полноценного сохранения привезенного языка. Обычно на протяжении XIX – XX вв. первое поколение иммигрантов продолжало преимущественно использовать первый язык, второе становилось двуязычным и интегрировалось, третье теряло связь со страной исхода. Исследователи отмечают, что это распространенное положение в последние годы перестало быть широко применимым: языки изучаются лучше, забывание происходит либо быстрее, либо не наступает, усилия многих государств направлены на сохранение языков иммигрантов, во всяком случае, действующее законодательство не противоречит возможности общаться на «импортированном» языке.

Такого рода соображения заставляют пересмотреть роль институциональной поддержки языка. В среде русскоязычных иммигрантов подчас бытует мнение, что язык приходит к детям сам собой, что нельзя не овладеть языком, если ты живешь в семье, где он активно употребляется. Известно наблюдение: дети легко общаются с родителями на их языке до тех пор, пока под давлением коллектива сверстников не начинают требовать «быть как все», просят говорить с ними на языке окружения, сами отвечают на доминирующем языке, в результате чего родители

переходят на этот же язык, а потом обнаруживают, что дети плохо понимают домашний язык. Часто катализатором является неумение родителей обсуждать интересные ребенку вещи, говорить на разные темы, описывать и оценивать события, происходящие в многочисленных жизненных сферах, что способствует расширению словарного запаса и дает образцы речевого поведения. Об этом можно было бы и не говорить, если бы ни свидетельства результатов такого подхода к коммуникации, которые мы будем анализировать.

Работы по обучению наследственному языку выполнялись в первую очередь в США, где поддержка родного / семейного / домашнего языка является частным делом каждого иммигранта [7], [9], [12]. Среди прочего, обращалось внимание и на состояние развития славянских языков, в том числе русского, и возможность его преподавания в ситуации, когда класс оказывается смешанным по составу и когда он однородный [4], [8], [9], [10]. Состояние русского языка в США показывает, каким образом язык теряется, когда не поддерживается институционально. Ситуация в большинстве стран Европы иная, и здесь скорее приходится говорить о двуязычии (билингвизме) [6].

Русскоязычные являются самой большой группой иммигрантов в Финляндии, составляя более 63 000 человек. История обучения русскому языку как иностранному охватывает более 200 лет, а русскому как родному – более полутора столетий. В стране имеется возможность обучаться параллельно на двух языках, финском и русском, или посещать уроки русского языка в школе на протяжении всех лет школьного обучения, которой пользуется большинство русскоязычных семей. Предоставлено право сдать государственный выпускной экзамен по русскому языку. Созданы кружки, осуществляется преподавание религии, функционируют СМИ на русском языке, а Россия расположена по соседству [2], [5]. Наличие таких больших возможностей не гарантирует, однако, того, что все дети, вырастающие в русскоязычных или двуязычных семьях, пользуются ими и становятся сбалансированными билингвами. Будучи погруженными в жизнь финно- или шведоязычных сверстников (финский и шведский – государственные языки Финляндии), они не успевают усвоить культурно-языковой багаж, необходимый для полноценного владения русским. При этом количество тех, кто хорошо владеет языком, поразительно большое. В то же время отмечаются случаи, когда ребенок, не посещая регулярных занятий русским языком, овладевает языком на примитивном, функционально недостаточном уровне, допускает большое число ошибок в устной речи и на письме [11]. Такого типа письмо можно считать наивным (по аналогии с терминами Н. Козловой, И. Сандомирской, Н. Лебедевой).

Рассмотрим в качестве примера случаи овладения письменной формой русского языка у финско-русских билингвов, когда нарушается большое количество орфографических, грамматических, семантических правил.

1. Сочинение ребенка 10 лет из русскоязычной семьи, учащегося в двуязычной школе, на тему: «Мой выходной день».

Меня зовут Федя мне 10 лет. Мой любимый день: Пятница. В пятницу из уроков: математика, природоведение: Русская литература, английский и финский. Когда я прехажу домой я делаю уроки на панельник до обеда. Потом я ем и все оставшийся дни отдыхаю. Я люблю каникулы.

Сочинение написано невнимательно, учащийся не разделяет все предложения и их части правильно, но, видимо, недавно освоил двоеточие и активно им пользуется (хотя и начинает дважды писать после него с большой буквы, как иногда бывает в английском, или под влиянием английского написания названий языков и дней недели с большой буквы). Большинство слов написано правильно, одна буква кириллического алфавита заменена буквой латинского алфавита. Ошибки в написании: пропущено первое Й в слове *английский*, приставка *пре-* вм. *при-*, безударное А вм. О, *ши* написано как *шы*, буква Е заменена на Й, сочетание согласных Т+Д, произносящееся как сильный звук ДД, упрощено до одинарной Д. Кажется, что для школьника такого возраста, обучающегося в российской школе, ошибок многовато, хотя большинство из них допущены в результате недоосвоенности правил русского языка, а не под влиянием финского. Стиль – разговорный. Отношение числа ошибок к числу знаков: 0,05.

2. На ту же тему написано сочинение девочки 10 лет из двуязычной семьи.

Мои день начинается в восем утра. Я встаю и чищу зубы, убираю кровать и иду завтракать с семьёй. Потом я одиваюсь и еду на тренировку. После тренировок за мной приезжает мама и папа. Когда мы приедим домой мы едим с мамой, папой и с братом. А потом я иду в сваю комнату и играю в игрушки или читаю. В воскресение у меня в девять утра тренировка. Я плаваю в бассейне. А после бассейна я еду домой. И мы готовим вкусный обед. А после обеда мы пём кофе или чай с тортиком. И я иду играть. С друзьями или братом. Потом я иду чистить зубы вдуш и спать. Так проходят мои выходные дни.

Здесь ошибок в целом меньше в соотношении с общим числом слов, чем в предыдущем тексте (0,02): заменяется Й на И (*мои, мнои, бассейне, бассейна, домои*), но в шести словах Й присутствует там, где нужно. Ъ отсутствует в словах *восем, пём*, но 10 раз Ъ стоит на месте. В безударном слоге И вместо Е встречается в словах *одиваюсь, тренировок* (перед этим и после этого слово написано правильно), *приедим*. А вместо О встретилось в безударном положении в слове *сваю*. В слове *воскресение* следует писать окончание *-е*. Существительное с предлогом *вдуш* необходимо писать отдельно (возможно, под влиянием финского, где падежное окончание выражает направленность). Собственно, ошибкой различения видов глагола является *приедим* вместо *при-*

езжаем (действие повторяется). Повторяющиеся средства связности, с которых автор начинает новые предложения, – союзы *a, u*, а также обрывы фраз придают тексту разговорный характер, который чувствуется и в диминутиве *тортик*. Непонятно, какое действие обозначено словосочетанием *убрать кровать*. Вполне возможно, что выражение *завтракать с семьёй* является калькой с финского.

Представим теперь разные степени дефектного овладения правописанием студентов университета, имеющих русские корни. Они писали сочинение на тему: «Любовь и дружба».

3. Девушка, написавшая следующее сочинение, занималась русским языком на протяжении всех лет школьного обучения. У данного студента хороший словарный запас (используются такие слова, как «госкливый», «козни», «ранимый»). В то же время не ощущается родства между словами «предать» и «предательство»: одно пишется с ошибкой, другое без. Если текст прочитать вслух, в нем не будет ничего, что нарушало бы правила русской речи: он соответствует устной норме (исключение – неидиоматичный глагол общей семантики «делать» вместо «строить» в выражении *делают всякие козни*).

Я думаю, что любовь и дружба это разные вещи. Бывает конечно, дружба перерастающая в любовь или наоборот, любовь со временем становится дружбой.

Дружба это когда люди просто дружат вместе. Люди общаются, чтото вместе делают. Дружба бывает между коллегами на работе, между учениками в школе. Иметь друзей очень важно. без друзей жизнь скучна и тасклива. Друзья тоже бывают разными. Хорошие и плохие. Те, с которыми общаешься мимо-лётно и те, с которыми дружишь всю жизнь. Другу хочется рассказать о своих секретах и поделится проблемами. Но друзья не всегда хорошие. Иногда друзья делают всякие козни. Придательства друга очень обидно. Как после этого можно доверять другим людям, если человек, которому ты доверял и считал своим другом тебя предал.

И дружба и любовь строятся на доверии. Любовь это нежное чувство, которое делает человека очень ранимым. Существует общее понятие, что дружбы между мужчиной и женщиной не существует. Я с этим не согласна. Не обязательно между мужчиной и женщиной должны возникнуть чувства, хотя часто так и происходит.

Самое главное в дружбе это поддержка и доверие, а в любви это чувства и понимание.

Среди ошибок выделяются: замена букв Б на Д и наоборот (*дружда, любям* – случайные описки, но они есть и у других студентов), написание с маленькой буквы после точки, перестановка букв (*жизьн*), пропуск тире, пропуск дефиса (*чтото*), отсутствие пояснительного двоеточия (*Друзья тоже бывают разными. Хорошие и плохие.*), пропуски запятой, неверное окончание женского рода (*-ия* вместо *-ая*), безударное Е становится по разным причинам И (*времинем, придательства*), И меняется на Е (*поне-*

мание), безударное О превращается в А (*тасклива*), происходит замена Ы на А в безударном слого (*которами*), А на Я (*согласня*), лишний Б (*хочеться*), отсутствует мягкий знак (*общаеишя, поделитя*). Интересный случай – предложение «Придательства друга очень обидно»: либо здесь влияние финского языка (согласование множественного числа подлежащего с единственным числом определения, либо неправильное окончание среднего рода (*-а* вместо *-о*). Стилистически было бы лучше сказать *которому ты доверял и которого считал своим другом, Существует общее представление*, но такие ошибки частотны и у носителей русского языка. Показатель ошибок – 0,03.

4. Обучение русскому языку у данного студента происходило в начальной школе, но потом прервалось. Возможно, имеются признаки дислексии (например, лишний слог в *обяснитить*). Несмотря на значительное число ошибок, на слух текст воспринимается почти как стандартный русский текст, исключение – отсутствие показателя одушевленности (*которые* вместо *которых*) и неверное управление (*друзьями* вместо *друзья* – по аналогии с финским). Возможно, человек, живущий в России, скорее бы сказал «разницу между А и Б можно почувствовать», а не «разницу А и Б можно почувствовать». В заключительной фразе отрицательная частица занимает неверное место: вместо *не совсем так много* следовало бы сказать «совсем не так много».

Любовь – это ни как нельзя объяснить одним словом. Я люблю свою семью, своего любимого человека, свою маленькую собачку и конечноже своих друзей.

Для меня любовь это такое чувство, что ты о ком-то заботишься, волнуешься и думаешь почти постоянно. Без любимых былабы просто невозможно. Я очень часто боюсь потерять кого-то близкого.

Для меня дружба не такая сильное чувство как любовь. Но в дружбе есть те же самые черты что и в любви. Такие черты например, лояльность, понимание. Но всётаки это в тоже время совсем разные чувства.

Как-то трудно это объяснить. Любимые люди всё-таки ближе и даже важнее чем друзья хотя у меня есть две подружки, которые я знаю с садика. Но они для меня стали уже как сестры, а не просто друзьями.

Разниту любви и дружбы можно почувствовать, когда тебя кто-то предаст. Если это совершит человек, которого ты любишь, это гораздо хуже и больнее, чем это зделает кто-то из твоих друзей. Я могу конечно, простить много близким, а друзьям не совсем так много.

Ошибки данного билингва свидетельствуют о меньшей степени знакомства с русской орфографией (многие из них делают маленькие дети, находящиеся на начальной стадии освоения письма) и о большем влиянии финского языка. Отметим следующие случаи: раздельное написание вместо слитного (*ни как*), слитное написание вместо раздельного (*конечноже, былабы, всётаки*), лишний И перед йотированным

гласным после гласного (*свою*), превращение И в Й после гласной (*твоих*), пропуск непронизносимого согласного (*чувство, почувствовать*), отсутствие Ъ (*объяснить, объяснить*), отсутствие Ь (*маленькую, волнуешься, думаешь, лояльность, друзьями, друзьям*), замена Ч на Ц (*конецноже* – возможно, под влиянием слова «конец»), З на С (*блиского*; в другом случае написано правильно), С на З (*зделаит*), Г на К (*подруки*), Б на Д (*дружда*), ТС вм. Ц (*разнитсу*), И вм. Е в безударном окончании (*зделаит*), женский род вместо среднего (*былабы, такая*), не выпадает О (*любви*; в другом случае написано правильно), пропуск «как», отсутствие тире, отсутствие запятых. В целом показатель ошибок составляет 0,05.

5. В нижеследующем сочинении допущено максимальное число ошибок (0,08), что неудивительно, так как автор, будучи билингвом, обучался русскому только как иностранному в течение короткого курса в старших классах школы. Можно констатировать очень сильное влияние финского языка на всех уровнях создания текста, хотя многие знаки препинания расставлены верно. На слух такой текст воспринимается плохо, причем хуже, чем если бы он был составлен иностранцем, который обычно усваивает написание слова тогда же, когда встречается его впервые. Здесь же слова отображаются весьма приблизительно, они усвоены со слуха и не очень четко. Нельзя даже утверждать, что текст полностью понятен. Подсчет ошибок представляет трудности, так как во многих случаях лексемы выбраны неверно или вся конструкция нуждается в трансформации.

Я считаю что любов и дружба близко друг друга. Это важно, что вы любите своей друзей – если не любите, тогда эти не дружба. Иногда эта любов может расвести больше и больше, и тогда будет возможность найти пару своей сердцы.

Когда люди встретича в первом рас, невозможно сказать будет они брузья на будущее – ну скоро это уже можно узнать. Если новый человек вам нравится, тогда уверен что вы дудете больше и больше разговаривать с друг другом.

Мою первую молодую челаваку я уже знала несколько лет, после мы нашли любов и началис быть вместе. Я хотела любит его значала с другом, чтобы знать какой он. Потом я заметила, что этот уже не была дружба – а любовь. Типер он мой самый хороший друг (хотя канечно у меня есть ещё бругая самая хорошая подруга).

В дружбе можешь показать любов на многими разними нравями. Эсли твой друг нуждается в помоч и ты всё что возможно делаешь чтобы помочит него, тогда это любов. Тоже эсли что не будть трудно с вашей другом, и вы слышите что плохо в жизни его – толко послушайте – тогда это тоже любов.

Постараемся проанализировать ошибки как варианты искажения «нормального» текста. Выделяются такие случаи: пропуск Ь (*любов, несколько, началис, любит, типер, толко*), лишний Ь (*нуждається*), Е вместо Э (*эти, эта, тот, это*), Э вместо Е (*эсли*), Ы вместо И (*люды*), И вместо Ы (*разними*), И вместо Е

(*типер*), И вместо Й после гласной (*послушайте*), А вместо О (*челаваку, канечно*), О вместо А (*самоя*), Я вместо А (*нравями*), С вместо З (*рас, невозможно, возможно*), З вместо С (*значала*), Б вместо Д (*брузья, бругая*), Д вместо Б (*дудете*), Ч вместо Щ (*помоч*), Ш вместо Щ (*будушее*), лишнее эпентетическое *н-* перед местоимением после глагола (*помочит него*), упрощение или изменение согласных (*расвести* вместо «расцвети», *сертцы* вместо «сердца», *встретича* вместо «встретиться»; в последнем случае –*тьс*– заменяется вначале на Ц, а потом на Ч), восприятие «тогда» и «когда» как наречий, в которых можно писать окончание *-о*, хотя под ударением находится *-а* (*тогда, когда*), раздельное вместо дефисного написание, НЕ вместо НИ, лишнее Т (*что не будть* вместо «что-нибудь»), неверное склонение (*своей* вместо «своих» по аналогии с *друзей, эти* вместо «это»; *молодою* вместо «молодую» в винительном падеже; *в помоч* вместо «в помощи», *в жизни* вместо «в жизни», *с вашей другом* вместо «с вашим другом», *в первом рас* вместо «в первый раз»), неверный род (*своей сертцы* вместо «своего сердца»; «сердце» считается существительным женского рода; *мою первую молодую челаваку* – существительное мужского рода становится существительным женского рода, *уверен* вместо «уверена»), неверное число (*будет ли они* вместо «будут ли они, станут ли они»), лишняя возвратная частица (*началис быть вместе*), отсутствие запятых, странный выбор лексемы (*нравями* вместо «способами», *ну* вместо «но»), просторечное *после* вместо «потом», неверный инфинитив (*помочит* вместо «помочь»), неверная конструкция под влиянием финского языка: *любов и дружба близко друг друга* должно быть «понятия, близкие друг к другу, которые находятся близко друг к другу», *может расвести больше и больше* – неправильно выбран вид глагола, должен был бы быть «расцветать все больше и больше», аналогичным образом, кажется, что вместо *встретича* лучше было бы сказать «встречаются». Кардинально следует перестроить отрывок: *невозможно сказать будет они брузья на будущее*: «невозможно сказать, станут ли они в будущем друзьями». Есть и ошибки в управлении: *любить с другом* вместо «любить как друга», *показать на многими...* вместо «показать многими», *помочит него* вместо «помочь ему», *с друг другом* вместо «друг с другом». В некоторых случаях можно пропустить отдельные неточности или не совсем приемлемый способ выражения. В целом можно отметить, что вариант русского языка, усвоенный данным билингвом, можно было бы назвать херитажным, так как он очень далек от того, что могло бы быть получено в результате систематического обучения.

Нарушения в письменной русской речи, наблюдаемые у билингвов, распространяются как на подмены букв, неверное написание безударных, глухих и звонких, упрощение, усложнение и другие типы правописания, так и на словоизменение и синтаксические явления. Причины подобных ошибок зависят и от типологических особенностей второго языка (например, пунктуационные правила в финском

иные; глухие и звонкие согласные различаются в ограниченном числе позиций; шипящие и свистящие не всегда дифференцируются), и от количества русского языкового материала, переработанного в ходе формального обучения, и от возраста, в котором оно происходило, и от языковых способностей (мы замечаем, что и в финском языке испытывают больше трудностей те, кто хуже справляется с русским). На основании рассмотренных и подобных им примеров нам кажется, что не стоит использовать в качестве охватывающего все подобные случаи термин «херитажник», поскольку он не отражает сути описываемых феноменов, а лучше более подробно анализировать различные варианты овладения и владения двумя и более языками. В США, где этот термин зародился и получил распространение, основное внимание было направлено на то, чтобы не потерять языки иммигрантских сообществ, приобретая дешевым способом будущих переводчиков для разнообразных государственных нужд. Представляется, что сохранение и поддержка русского языка за рубежом имеют несколько иную направленность и способны реализовать больший потенциал развития речи у двуязычных индивидов.

Литература

1. Земская, Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования / Е.А. Земская // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 114 – 131.
2. Изучение и преподавание русского языка в Финляндии / под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой, М. Копотева, А. Никунласси, Т. Хуттунена. – СПб., 2010.
3. Лексин, В.Н. Языковая репрезентация русской цивилизации / В.Н. Лексин // Мир России. – 2014. – № 2. – С. 6 – 35.
4. Полинская, М. Русский язык первого и второго поколения эмигрантов, живущих в США / М. Полинская // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin / Slavica Helsingiensia 40. – Helsinki, 2010. – P. 314 – 328.
5. Формирование и оценка коммуникативной компетенции билингвов в процессе двуязычного образования / под ред. Е. Юркова, Е. Протасовой, Т. Поповой, А. Никунласси. – СПб., 2012.
6. Чиршева, Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков / Г.Н. Чиршева. – СПб., 2012.
7. Brinton, D.M. (Eds.) Heritage language education: A new field emerging / D.M. Brinton, O. Kagan, S. Bauckus. – Mahwah ; N.J., 2008.
8. Kagan, O. Heritage Language Learners of Russian and L2 Learners in the Flagship Program: A Comparison / O. Kagan, A. Kudyma // Russian Language Journal. – 2012. – V. 62. – P. 27 – 46.
9. Kagan, O. (Eds.) The learning and teaching of Slavic languages and cultures / O. Kagan, B. Rifkin. – Bloomington, IN, 2000.
10. Laleko, O. Assessing Heritage Language Vitality: Russian in the United States / O. Laleko // Heritage Language Journal. – 2013. – V. 10. – № 3. – P. 89 – 102.
11. Protassova, E. Teaching Russian as a Heritage Language in Finland / E. Protassova // Heritage Language Journal. – 2008. – V. 5. – № 2. – P. 127 – 152.
12. Webb, J.B. Teaching Heritage Language Learners: Voices from the Classroom / J.B. Webb, B.L. Miller. – Yonkers ; N.Y., 2000.

УДК 378.147:811.11

A.A. Prokhorova

MULTILINGUAL COMPETENCE IN RUSSIAN HIGHER EDUCATION: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.

Быстро растущая интернационализация высшего образования в России ставит новые проблемы и цели перед высшими учебными заведениями в поиске решения проблем растущей глобализации и конкуренции на рынке труда. Таким образом, одной из образовательных целей является развитие многоязычной компетенции студентов как инструмент для преодоления межкультурных недопониманий. Автор статьи предлагает современный методологический комплекс, который может помочь преподавателям университета при формировании многоязычной личности студентов.

Высшее образование в России, многоязычная компетенция, современный методологический комплекс, многоязычная личность.

The rapidly growing momentum of the internationalization of Russian Higher Education raises new problems and sets new goals for universities to find the best solutions in addressing the challenges of the increasingly global and competitive labour market. Thus, one of the educational aims is to develop students' multilingual competence as a tool for overcoming cross-cultural misunderstandings. The author suggests a new up-to-date Methodological Complex which can help the university teachers to form the multilingual personalities of their students.

Russian Higher Education, multilingual competence, up-to-date Methodological Complex, multilingual personality.